

ПРОФИ НА РУССКОЙ «КРОФИ»

Создается впечатление, что расследования обстоятельств смерти великого Сергея Есенина, произошедшей то ли 27 декабря, то ли 28 декабря (никак не договориться о точной дате), будет продолжаться перманентно, пожалуй, еще не одно столетие.

Но определенная группа граждан не горюет, потому что в России как в стране бесчисленного количества гонимых людей имеется так же нескончаемое количество SOSстрадальцев и гонцов-правдоискателей, условных Николаев Астафьевых или Ястафьевых (от А до Я, и обратно от Я до А), которые, бросив работу, фронт, или прервав полет и преждевременно направив свой космический корабль в обратном направлении, если это космонавт, или бросив жену и маленьких детей, непременно вернутся к есениноведению как к основному делу своей жизни, – не вздумайте сказать «хобби»...

Никаких хобби и хоботов. Здесь всё по-деловому, всё по-взрослому. Никаких вольностей. Разве такой серьезный человек, писатель, журналист, каковым позиционирует себя Николай Астафьев, опустится до «шерше ля фам», то есть до версии, которая определяется как «ищите женщину». Сразу заявит, что если не присутствовало никакой таинственной женщины в предыдущих расследованиях по факту смерти Сергея Есенина, так нечего и придумывать. Это как в поговорке «не ищите черную кошку в черной комнате, тем бо-

лее ее там нет». А, может, все же черная женщина была? Написана же Есениным поэма «Черный человек». Ах, никаких роковых женщин нет в мемуарах и свидетельствах! Ах, это было так давно! Но если давно, так какого черта или чертового коня впрягаться в такие старые дела, тем более не имея специальных знаний и обладая только непомерными самомнением и амбициями?

Да, серьезные люди не работают по-курьезному. Никаких придумок, развлечух. Никаких предположений о самоубийстве и самоповешении. Никакого форса или фарса. Трагедия и только трагедия. Если не трагедия, то сверхтрагедия. Не важно, что формула «шерше ля фам» сработала во множестве случаев (например, в раскрытии убийства того же есенинофоба Б. Немцова). Нельзя убивать курицу, которая несет золотые яйца? Нельзя ни в коем случае разжигать черную пелену ужаса, которой до сих пор покрыты обстоятельства этого убийства?

А когда начинаешь оценивать такие методы исследования, выяснилось, что для некоторых оборотистых ребят есениноведение – это пусть маленькое, но дело, и требуется, чтобы оно процветало, а не увядало, как цветы на могиле! Поэтому не надо никаких «шерше ля фам», не надо быстрого раскрытия (почти через сто лет) преступления, а жизненно необходимо как-то не уменьшать ажиотаж, не смягчать напряжение скорби, которая переходит в кликушество, не снижать или охлаждать явно перегретый болезненный градус траура по Поэту.

Никакой лирики. И петербургский исследователь, этакий сумрачный «малый» и одновременно пожилой человек Николай Астафьев тоже не позволяет

ни себе, ни другим расслабиться и резким росчерком пера расправился со всеми альтернативными, более гуманными что ли вариантами смерти великого Есенина. Нет бы как православный человек стал бы слезно молиться и просить небеса о воскрешении, возрождении Сергея Есенина, но куда там. Занявшись сухим, я бы сказал, расчетливым расследованием факта гибели, проявил себя явно не как *родильщик*, а как самый, скажем образно, настоящий профессиональный *могильщик*. Слезы сквозь текст не проступают, и боли по безмерной утрате не чувствуется.

Очень, уж очень далеко ушли, даже отпрыгнули наш поисковик и подобные ему от живого Сергея Александровича (ближе к могиле или в саму могилу), если даже на мизерную возможность появления в гостиничном номере роковой женщины не среагировали.

Короче, прощелкал бывалый исследователь эту версию, но ничего, не смертельно, ведь если образ таинственной дамочки появится на литературном горизонте, если этот образ обретет реальные черты в расследовании некого, более удачливого есениноведа, – то почему бы Астафьеву, поскольку еще не весь старческий песок из него высыпался, и еще можно компенсировать утерю этого песка энным количеством возбуждающего порошка, и не устремиться искать эту незнакомку, которая бы пролила свет (даже свет своего обнаженного тела) на темное дело расследования убийства Сергея Есенина?

А между тем после великих высоконравственных соцвремен, в связи с перестройкой, когда на подиум популизма и обретения популярности выходили версии с еще той помпой, могла на нем запросто очутиться и профланировать эта небезгрешная версия с «попой»,

но она, слава богу и благодаря тому же Николаю Астафьеву, не появилась.

Но мне кажется, исследователь боялся и до сих пор боится этой версии. Ведь на женщинах кто только не прокалывался. Не так уж и давно в ходе очередной перепалки с председателем Орловым об одном из петербургских журналов, а есениновед защищал позицию этого журнала с пеной у рта, выяснилось, что то ли в самом журнале, то ли в приложении к нему была опубликована подборка стихов убийцы Николая Рубцова, ненавистной нам Дербиной. Какой конфуз, какой удар по репутации якобы известного специалиста по Есенину и по совместительству рубцоведа, образцового патриота Астафьева, если он защищает тех, кто обеляет убийцу. Двурушничество настоящее... Но подробно про этот случай в следующей статье, поскольку, судя по всему, придется поучаствовать в продолжительной войнушке матов и компроматов.

Еще про один случай, пока что вскользь. Как-то Астафьев сфотографировал группу поэтов из нашего СП вблизи могилы поэта Анатолия Белова на Красненьком кладбище с последующим размещением материалов об этом мемориальном посещении в Интернете и тогда он, перечисляя фамилии людей, изображенных на снимке, наглым и преднамеренным образом не упомянул мою фамилию, как бы я и не присутствовал на акции памяти... Вот так работают наши горе-исследователи, что-то и кого-то находят, а кого-то (даже очень осмотрительно) теряют, кого-то раскапывают, а кого-то закапывают.

Снова вернемся в начале перестройки, когда все стало беспроблемно проходить, прокатывать. Можно сказать, что создали не санитарно-запретительный а

проходной коридорище для любых идей и предположений. Расследование по грандиозному делу от 28 декабря 1925 года пусть по неофициальной линии резко оживилось (но, увы, не до такой степени, чтобы ожил наш великий поэт).

Перестроечные беспардонные и даже беспорочные открытость и гласность, а так же плюрализм, как бы позволяющий плюнуть на старые наработки и предположения коллег-копателей, способствовали беспрестанному размножению версий о гибели Поэта. Теперь истинные и лжеискатели – так подстатилось – могли в открытую, к месту и не к месту аппелировать якобы многомудрыми тайными, оккультно-мистическими и просто религиозными знаниями. Например, некоторыми сходу отметалась версия самоубийства, самоповешения Есенина на основе того, что он, являясь человеком, воспитанным на православных традициях, закончившим церковно-приходскую учительскую школу, безусловно знал про народное и церковное отношение к подобной категории умерших и не пошел бы на такой греховный шаг, тем более, что гибель случилась в дни празднования православного рождества в России, которая еще далеко не на сто процентов являлось Красной и дьвольско-безбожной.

С другой стороны, поскольку убийство произошло во время рождественских праздников, могли заявить, что великого русского поэта Некие силы принесли в жертву Иисусу-царю израильскому – в виде конкретного жертвоприношения. Довольно обоснованная, если верить оккультизму, совсем даже не ходульная версия убийства. Если Христос себя принес в жертву Иегове – пошел на крест, так и Есенин мог принести себя в жертву, засунув голову в петлю...

А не пора ли от таких праздных или банальных составляющих расследования, как женская, религиозная или оккультная, перейти к чисто практическим, земным, применимо уже не к Сергею Александровичу, а к размножившимся комментаторам и интерпретаторам его жизни, к которым подключилась даже телепередача «Битва экстрасенсов» с участием всяких черно- и светловидящих. Тут ведь какой фактор в первую очередь выявляется? Оказывается, всем нужны «гельбы» не с какой-то там Эльбы... Все хотят почестей, салютов и салатов (но не себе в рожи). Никто из них не умрет от скромности, поскольку не откажутся и от персональных бюстов как Героям исследовательского труда. Возможно, по такой причине у меня как-то возникло чисто петербургское видение: Исаакиевская площадь и Малая Морская улица при своем соприкосновении с «Англетер» заставлены памятниками страждущим и жаждущим есениноведам. А женщины-черновидящие-, проводившие в рамках телевизионной программы «Битва экстрасенсов» расследование непосредственно на месте гибели, потребовали, наверное, не больше, ни меньше, как в собственность фешенебельные номера в гостинице.

Каждый хочет, чтобы поиски финансировались, имели информационную поддержку, самым широко публиковаться, издавать книги, получать «манэ» и «именэ». Некоторые исследователи явно зависили оценки своих трудов и самих себя.

Тот же Астафьев стал вести себя высокомерно по отношению к простым смертным поэтам. Сколько раз он, выражая недовольство, пытался со своих якобы истинно православных позиций поставить меня – поэта есенинско-рубцовского направления и язычника – в так

называемое «стойло». Самоmnения у него после публикаций в «Нашем современнике» стало как у какого-либо крутого либерала, постоянного автора «Новый мир». Начав печататься у Куняева, хотя и я являюсь автором его журнала, Астафьев повел себя высокомерно как представитель патриотическо-православной элиты перед нами – «пылью и грязью, черной костью деревенской литературы». При этом на ниве есениноведения работал так ревностно и резонансно, копал так глубоко (поверхностно исследуя записки Эрлиха), что вырыл емкую яму и из извлеченных грунта и глины слепил под себя пьедестал (непрочный и скользкий), поднялся на него и как властелин писательской вселенной смотрел на нас – поэтическую голытьбу. А уж меня-то, стихотворца-неоязычника, вообще считал законченным лузером и безнадежным аутсайдером русской литературы.

Нет бы поговорить со мной на русские темы, пригласить, а ведь обещал, в одну из поэтических поездок, которые сам организовывал, например, в Тотму, где проживал какое-то время как ни как мой земляк по Архангельской области Николай Рубцов. Где там. Нос кверху и к очередному успеху в «есениновъедение» (въедались в Сергея как черви). Вообще, у таких как Астафьев, была бы не жизнь, а сплошной яблоневый сад с беспрерывным яблочным Спасом, даже петербургский рай, если бы им еще давали большие деньги за исследования.

А успех был, как оказалось, не за горами. Вскоре мы ахнули и присели от шока, вызванного немаленьким удивлением. Кажется, летом на главной странице интернета появилось сенсационное сообщение: «Петербургский писатель Н. Астафьев раскрыл тайну

убийства великого русского поэта Сергея Есенина...». Какую тайну? Да этот поисковик ни разу не вышел за отведенные ему рамки. Значит, ни разу не рискнул. А без риска открытия не делаются. Перестраховщик.

А мы, кстати, тоже исследовали убийство Сергея Александровича, к тому же совсем без денег и даже без публикаций в журналах. И я свои версии не «развез», не размазал как масло-масленное по многостраничным книгам, а выразил всего-то в нескольких поэтических произведениях:

Город убитых змей

«Есенин - это змей мятежа!».

Игорь Северянин

Известнейший из вредин,
Король эпатажа,
Заметил, что Есенин
Был Змеем мятежа.

Прикинул: «Море, змеи
И смерть их от воды».
Оккультные идеи -
Предвестницы беды.

Здесь так же - Конь и всадник,
А ниже - русский змей.
Погибель гада - праздник
Для храмов и церквей...

И вот сюда Сережку
Доставил паровоз
И, подождав немножко

(Пять дней), в гробу увез.

Проверьте (если петрю)
Теорию мою:
Засунули здесь в петлю
Есенина - Змею,
Сдавили над землею,
Над мертвенной Невой...
Я сам ползу Змеёю
Крестьянской, боевой.

Или еще вот такие строки из моего стихотворения «Русское обустройство»:

Словечки осторожней выбирай,
Не то пошлют сплавлять по Енисею.
Не за стихи про «деревенский рай»
Загублены Корнилов и Есенин:

За сельскую Змею, за фатализм
Удавлены в приморском Ленинграде...

Ничего, думаю, нет предосудительного, если эта версия возникла на основе мистических знаний о Тайной войне между оккультными орденами Земли-Змеи и Океана. Ну, написал я это, но ведь не возгордился же как Астафьев-беспредельщик, не задрал же нос, не стал же совать всем под носы страшенную змею – Есенина.

Каждому воздается по делам его. Ничего плохого, конечно же, Астафьев не совершил, просто не без злости повкалывал на грядках или на полях городского есениноведения... Особенно результативно он проявил себя тогда, когда «на почте служил ямщиком и, ис-

пользуя в личных целях вверенный ему транспорт извозчицкой фирмы, подгонял лошадку мохнорылую к зданию Музея связи, привязывал животинку вожжами к фонарному столбу (на котором вполне мог вздернуться или быть вздернутым какой-либо русский поэт), и войдя в Музей, заказывал в читальный зал пышащий паром и пиаром самовар и, попивая чай вприкуску с сахаром, изучал несколько месяцев, а может, и лет телеграммы Есенина в Ленинград 1925 года. Я, например, не понял юмора, зачем было так долго биться-трудиться, чтобы поставить под сомнение состоятельность телеграммы Есенина Эрлиху от 7 декабря, хотя Сергей прибыл в Ленинград аж 24 декабря. Сколько ведь воды и крови за это время могло утек. Вот если бы обнаружил послание, датируемое более поздним числом... Лучше бы вместо того, чтобы прохлаждаться в Музее перед самоваром и над ворохом телеграмм, напрямую телеграфировал бы (если сам не мог, то меня бы позвал) в Кремль и требовать у земляков Медведева и Путина денег на дальнейшее расследование и ругать их за то, что выделили Серебренникову миллиард рублей на искусство, а Астафьеву только гроши. Но только Кольке надо было в начале поучиться малость у самого Серебренникова как у крупнейшего театрального специалиста в умении изображать жертву.

Да, жертву путинских финансовых промашек он из себя изобразить побоялся, зато очень даровито сумел предьявить себя как жертву «кровавого орловского режима» нашей писательской организации.

Астафьев требует для себя – Всё! Лучшее! На лучших условиях! В этом плане он максималист, беспредельщик.

Он своими письменными жалобами в разные инстанции и ультимативными требованиями достал не только самого руководителя петербургского отделения СП России Бориса Орлова, но, пожалуй, что всех членов организации.

Борис Александрович не где-то, а в самом центре города, в центре борьбы за деньги, отпущенные на литературу, бьется, не жалея себя и своего уже пошатнувшегося здоровья, за нас, выбивает субсидии для выпуска книг большинству членов СП, а Астафьев, жалуюсь повсеместно, требует денег не у кого-то, не у Комитета по печати, а от Орлова на издание – уточняю – уже не первого издания книги о Есенине. При чем обвиняет самого Орлова чуть ли не есениноненавистничеством.

Смею уверить, что Орлов любит творчество Сергея Александровича гораздо сильнее, чем Астафьев, который, как мне кажется (но это в другой статье) вообще никого не любит. Слишком уж он сухой, прагматичный человек для проявления подобных чувств. Да и расследование ведет сухо, суконно-казенно, чтобы, если что, выйти сухим из воды. Но чтобы не потерять к себе интерес, не стал отстаивать официальную версию, что Есенин покончил жизнь самоубийством. Не откликнулся ни на версию с женщинами, ни на оккультную, ни на какую-либо «клюкво-развесистую». Поиск ведет по оборышам, то есть по тем, определим так, брусничным полянам, где уже прошли сотни ягодников. Но за двадцать лет сборов смог с грехом пополам наскрести кроваво-брусничных ягод на малую часть корзинки, но как посмотришь на эти ягоды с разных сторон, так они уже и не ягодами кажутся, а кровью,

которая капает на землю, просачиваясь через плетеное дно.

Никто особо ни в чем не обвиняет нашего есениноведа. Наоборот, можно проникнуться к нему уважением (уважуха и респект), что он не купился ни на одну из экзотических версий, что проявил должную выдержку. Но если не повелся на дешевую версию, то разве не мог купиться на какую-либо дорогую? Почему же тогда так демонстративно, как демон, требует денег?

Разве кто оговаривает исследователя? Никакой травли на него в Питере не открывали. Наоборот, он своими письменными жалобами травит Орлова и досаждает нам, простым поэтам.

А, мы простые, малоизвестные поэты, говорили Астафьеву: «Не сотвори себе кумира! Не гоже въезжать в рай на плечах великих! Нельзя паразитировать!». Но все советы и предупреждения проигнорированы, всего нахапано из книг и наработок предшественников, и на тебе – новый непререкаемый есениновед и вводящее всех в заблуждение сообщение в Интернете, что петербургский писатель Николай Астафьев раскрыл тайну убийства Есенина. Но это неправда!

Если он, действительно, не случайный исследователь, то лучше бы плотнее занимался литературоведческими поисками, находил бы сам не такие уж большие деньги на их проведение, а не мельтешил, не пылил бы по коридорам СП России и не мешал бы действительно трудолюбивым, человечным и по-настоящему ответственными людям работать на благо всей нашей организации.